

* * *

Спешу к истокам, время обрывая,
не вправе детский бег остановить,
и мимолётность, в строчках застывая,
под ноги стелет сдвоенную нить...
но так тонка, так эфемерна память,
что каждый шаг – вперёд, и в никуда...
и нет опоры твёрже под ногами,
чем пёстрой нитью шитые года.

* * *

Город затих.
Ночь заскучала,
бархатной кошкой раскинув на крышах
тело,
покрытое звёзд поцелуями...
падает
сорванный осенью
лифт
с летней картины,
что старым художником
в угол поставлена
где-то за стульями...

* * *

Я видел тень на Иртыше.
В сентябрь полночный
она к испуганной душе
тянулась,
точно
из зыби сумрачной летя,
из волн рождалась;
но с жизнью тело обрета,
едва касалась
воды –
прозрачна и легка,
то вдруг бежала, то шла...
и тонкая рука
сквозь мрак мелькала,
дрожа...
подвешенный горел
фонарь бездомный,
звенели волны, и желтел
в них город сонный
дробился,
падал и взлетал.
и вниз катился...
а ветер память потерял,
остановился,
Ассолью северной пленясь;
застыл, просторный...
но тут же, слабости стыдясь,
фонарь покорный

толкнул,
затряс и раскачал,
сорвал с улыбкой...
и в свете задрожав,
пропал
мой образ зыбкий...
лишь сиротливо вслед душа
за ним рванулась
и, волн коснувшись Иртыша,
звения, проснулась.

* * *

Не обилечен, не опроезднён,
он едет зайцем, грязный и усталый;
голодных мыслей тремор отражён
в глазах,
от осени портвейна талых.
Забыты даты. Вымараны сны.
Заплыли будни рожками хмельными –
им нет конца...
и вечность – до весны...
и что-то тянет чаще быть с живыми...

* * *

Рождённый в плазме северных морей,
домой однажды с пламенем безумным
вернётся в жёлтом пластике борей
за новобранным перебором струнным;

за бранным словом, вброшенным в рассвет;
за воскресеньем, сломанным привычно;
за тем, кто слогом выстрела отпет
на всём пространстве мира безъязычном.

И иностранно, будто невзначай,
разбудит слёзы в листьях придорожных,
и, сбитый бурей, росный иван-чай
уронит небо звёздами тревожно

в вороний грай, в летящую метель,
в сырую тяжесть глиняных квадратов,
где роты стянуты, как в общую постель,
непреходящим: русские солдаты.

Для уходящих время не стоит.
Не врезан в память голос запылённый.
И в ретуши с серванта не глядит
бессменно мальчик, чем-то удивлённый.

Замены нет. Ему и тем другим,
кто нервный смех на трассерах оставит,
среди теней, несвойственных живым;
где мёртвый штиль, где ветер убивает.